

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	9
--------------------	---

Часть I
АВСТРИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ПРОЛОГ. СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В 1920-е ГОДЫ: ВЗГЛЯД ИЗ ВЕНЫ	29
Приложение: <i>Джон Бейтс Кларк (1847–1938)</i>	50
Приложение: <i>Уэсли Клэр Митчелл (1874–1948)</i>	52
ГЛАВА 1. АВСТРИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА	55
Теория ценности до 1871 г.	55
Менгер и основание школы.	59
Вклад Бём-Баверка и Визера	63
Спор с исторической школой	64
Третье и четвертое поколения	66
Приложение: <i>В Британии и США</i>	68
Библиография: <i>Работы представителей австрийской школы</i>	73
ГЛАВА 2. КАРЛ МЕНГЕР (1840–1921)	79
Приложение: <i>Место «Оснований» Менгера в истории экономической мысли</i>	119
ГЛАВА 3. ФРИДРИХ ФОН ВИЗЕР (1851–1926)	135
ГЛАВА 4. ЛЮДВИГ ФОН МИЗЕС (1881–1973)	155
Людвиг фон Мизес: Очерк	155
В честь профессора Мизеса	159
«Социализм»	167
«Интервенционизм»	175
«Эпистемологические проблемы экономической теории»	179
«Nationalökonomie».	182
«Заметки и воспоминания».	186
ГЛАВА 5. ЙОЗЕФ ШУМПЕТЕР (1883–1950)	195
Методологический индивидуализм	195
«История экономического анализа»	196

ГЛАВА 6. ЭВАЛЬД ШАМС (1899—1955), РИХАРД ФОН ШТРИГЛЬ (1891—1942)	201
Эвальд Шамс.	201
Рихард фон Штригль	203
Приложение: <i>Теория заработной платы Штрилля</i>	205
ГЛАВА 7. ЭРНСТ МАХ(1838—1916) И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В ВЕНЕ.	209
Кода <i>Воспоминания о моем кузене Людвиге Витгенштейне</i> (1889—1951)	212
Часть II	
СУДЬБЫ ЛИБЕРАЛИЗМА	
ПРОЛОГ. НОВОЕ ОТКРЫТИЕ СВОБОДЫ: ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ	221
Приложение: <i>Дань уважения Рёнке</i>	231
Приложение: <i>Теория капиталообразования Рёнке</i>	234
Приложение: <i>Холлоуэлл об упадке либерализма</i> <i>как идеологии</i>	236
ГЛАВА 8. ИСТОРИКИ И БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ	239
ГЛАВА 9. ВОЗРОЖДЕНИЕ: О ЛОРДЕ АКТОНЕ (1834—1902).	257
ГЛАВА 10. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ГЕРМАНСКАЯ НАЦИЯ?	261
ГЛАВА 11. ПЛАН БУДУЩЕГО ГЕРМАНИИ.	265
Приложение: <i>Будущее Австрии</i>	277
ГЛАВА 12. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА КОНФЕРЕНЦИИ В МОН-ПЕЛЕРЕН.	283
ГЛАВА 13. ТРАГЕДИЯ ОРГАНИЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ДЕ ЖУВЕНЕЛЬ О ВЛАСТИ	297
ГЛАВА 14. БРУНО ЛЕОНИ (1913—1967) и ЛЕОНАРД РИД (1898—1983)	303
Бруно Леони	303
Леонард Рид	309
Содержание в хронологическом порядке	314
Предметно-именной указатель	316
Именной указатель	327

От издателя

«Идеи имеют значение» — гласит американская поговорка. Трудно найти сферу, к которой она была бы более применима, чем к социально-политической истории человеческого общества. Как раз здесь то, как человек видит и понимает действительность, оказывает наиболее фундаментальное и долгосрочное влияние на ход и результат событий. Именно поэтому для понимания истории вообще так важно изучение истории идей.

Если говорить об основных течениях западной и мировой общественной мысли и политической жизни — либерализме, консерватизме и социализме, — то в нашей стране до недавнего времени они получали далеко не равную долю внимания. Еще с советского периода существует мощная традиция изучения истории европейского и мирового социализма как направления мысли и как политического течения. При этом серьезное изучение двух других направлений в последние годы по сути дела только начинается.

Представляемое вниманию читателя собрание работ Ф. Хайека представляет двоякую ценность для исследователя либерализма. С одной стороны, оно представляет собой серьезное исследование истории либерализма как идейного и политического направления, причем затрагивающего многие малоизвестные для русскоязычного читателя факты, события и интерпретации. С другой стороны, оно само может служить первичным историческим источником по данному вопросу, т.к. автор этих работ является ключевой фигурой в истории либерализма XX в. и его труды по сей день продолжают оказывать влияние на эволюцию идей.

Если не ограничиваться исследованием либерализма, то вошедшие в настоящее издание работы Хайека представляют большой интерес для изучения двух ключевых эпизодов в истории европейской мысли и политики — это интеллектуальная жизнь Вены на рубеже XIX—XX вв. и Европы, особенно Германии, после Второй мировой войны.

Для русскоязычного читателя эти две темы чрезвычайно актуальны. В первом случае речь идет о том, каким образом рождаются интеллектуальные центры мирового значения и каковы условия их возникновения. Вторая тема еще более значительна. Германия, пережившая величайший в истории

крах государства, экономики и всех прочих общественных институтов в исторически кратчайшее время смогла возродиться и отстроиться на пепелище. Как это удалось? В получении ответа на этот вопрос поможет данная книга. Как бы то ни было, эти две темы еще долго будут оставаться в центре внимания историков.

Предлагаемая вашему вниманию книга будет полезна всем, кто интересуется историей современного мира, его политических и экономических идей и институтов.

Валентин ЗАВАДНИКОВ
Председатель Редакционного совета
Ноябрь 2008 г.

Введение

«Может ли капитализм выжить?» — задал вопрос в 1942 г. Йозеф Шумпетер. И ответил: «Нет, не думаю»¹. Но капитализм выжил: спустя полвека мы присутствуем при саморазрушении социализма, при одновременном крушении идеала централизованного планирования и экономической системы Восточной и Центральной Европы. Если из событий 1989 г. и можно извлечь урок, то лишь один: возрождение либерализма в этой части мира представляет собой главным образом, если не целиком, возрождение капитализма, т.е. признание того, что только рыночный порядок может обеспечить уровень благосостояния, требуемый современной цивилизацией. Это хоть и не полностью понято, но широко признано. Роберт Хейлбронер, безусловно, не являющийся другом капитализма, пишет, что новейшая история «заставляет нас переосмыслить значение социализма. В качестве полурелигиозного видения преобразованного человечества в XX в. он получил сокрушительные удары. В качестве проекта разумного планируемого общества он сокрушен полностью»².

Для Ф. А. Хайека это не стало особым сюрпризом. Будучи экономистом австрийской школы, Хайек всегда понимал рынок не совсем так, как его современники, в том числе иначе, чем многие защитники капитализма. На протяжении большей части нынешнего века «экономической проблемой» считалась задача *распределения ресурсов*, т.е. такого распределения производственных факторов, которое позволило бы удовлетворять конкурирующий и потенциально неограниченный спрос, — в принципе посторонний наблюдатель (либо центральный плановый орган) вполне способен вычислить решение этой задачи. Напротив, с точки зрения Хайека и австрийской

¹ *Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper & Brothers, 1942; 3rd edition, 1950. P. 61. [См.: Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 439.]*

² *Heilbroner. Reflections After Communism // New Yorker. 1990. September 10. P. 91—100, esp. p. 98. Расширенный вариант статьи: Analysis and Vision in Modern Economic Thought // Journal of Economic Literature. Vol. 28. 1990. September. P. 1097—1114.*

школы в целом, экономическая теория изучает процесс *координации, или согласования, планов*, поскольку «крайне сложный порядок» человеческого сотрудничества возникает из планов и решений изолированных индивидуумов, которые действуют в мире неявного и рассеянного знания. В задачи экономической науки входит объяснение закономерностей явлений, подобных ценам и производству, деньгам, процентным ставкам, колебаниям деловой активности и даже праву и языку, когда эти явления не являются частью чьего-то сознательного замысла. Только изучая социальный порядок с этой точки зрения мы можем узнать, почему рынки *работают* и почему усилия по созданию общества без рынка обречены на провал.

Хайек принадлежит к четвертому поколению австрийской экономической школы, к поколению диаспоры, которое разлетелось из Вены в Лондон и Чикаго, в Принстон и Кембридж, так что прилагательное «австрийская» имеет сейчас чисто историческое значение. Во время странствий по Англии и Соединенным Штатам Хайек сохранил большую часть наследства школы, основанной Карлом Менгером. С самого начала австрийская школа была известна весьма своеобразным пониманием экономического порядка, и определенная часть этого понимания (до известной степени) была включена в главное течение экономической мысли, а другие были отброшены и забыты. К первому можно отнести некогда революционную теорию ценности и обмена, выдвинутую Менгером в «*Основаниях политической экономии*», публикация которых в 1871 г. положила начало возникновению школы; к последним относится отрицание возможности экономического расчета при социализме, сформулированное старшим коллегой и наставником Хайека Людвигом фон Мизесом, теория, ставшая основой современного австрийского толкования рынка как *процесса обучения и открытия*, а не как равновесного состояния дел. Общепринятая неоклассическая экономическая теория считала, что Мизес давным-давно был опровергнут моделями «рыночного социализма» Ланге и Тэйлора, а потому и не могла ничего сказать о жизнеспособности централизованного планирования. Австрийская школа находилась в другом положении. Представления Хайека о том, чем *является* рынок и как работает рыночный процесс, привели его к выводу, что социализм представляет собой грубую ошибку — если хотите, «пагубную

самонадеянность». Именно на основе такого понимания он и строил свою защиту либерального порядка.

В таком духе и составлен настоящий том. В предлагаемых эссе Хайек пишет об австрийской экономической школе, где началась его интеллектуальная одиссея, и о судьбах либерализма, о социальной философии рыночного порядка, с которой были тесно связаны его собственные работы. Первая часть содержит эссе и лекции о главных фигурах австрийской школы: о Карле Менгере, об учителях Хайека Фридрихе фон Визере и Людвиге фон Мизесе, о Йозефе Шумпетере (одна из ведущих фигур в экономической мысли XX в.; получив образование в австрийской традиции, он не принадлежал к австрийской школе *per se*); о менее известных экономистах Эвальде Шамсе и Рихарде фон Штригле; о двух фигурах Венской интеллектуальной сцены, философах Эрнсте Махе и Людвиге Витгенштейне, двоюродном кузене Хайека. Во второй части собраны работы о новом открытии свободы в послевоенной Европе, с особенным выделением Германии и международного общества Мон-Пелерен, влиятельной либеральной организации, созданной Хайеком в 1947 г. В обеих частях затронута тема, пронизывающая все работы Хайека по социальному порядку: роль идей — и особенно экономической теории — в сохранении либерального общества.

В оставшейся части этого введения я очерчу карьеру Хайека и попытаюсь понять место его идей в исторической и теоретической перспективе. Прежде чем продолжить, нужно сделать одно терминологическое замечание. Хайек использует слово «либерализм» в его классическом, европейском значении, для обозначения социального порядка, основанного на свободных рынках, на правительстве, ограниченном властью законов, и на приоритете личной свободы. Как он объясняет в предисловии к первому (1956) массовому изданию его классической работы «Дорога к рабству»: «Я использую термин «либеральный» в его исходном значении, как он использовался в XIX в. и до сих пор используется в Британии. В современном американском употреблении он обозначает нечто совершенно противоположное. В результате маскировки левацких движений в этой стране, которой помогла тупость многих из тех, кто действительно верил в свободу, слово «либеральный» стало означать защиту почти всех видов государственного регулирования. Я до сих пор недоумеваю, почему в Соединенных Штатах истинные

сторонники свободы не только позволили левым присвоить этот почти незаменимый термин, но даже сами им в этом помогли, начав использовать его как позорное клеймо»³.

Мы подчинимся этой критике и будем использовать «либеральный» вместе с менее элегантными «классический либерализм» или «либертарианство», вошедшими в употребление в США.

Хайек поступил в Венский университет в возрасте 19 лет, сразу после окончания Первой мировой войны, когда этот университет был одним из трех лучших мест мира для изучения экономической теории (два других были Стокгольм и английский Кембридж). Хотя он записался на изучение права, его в первую очередь интересовали экономическая теория и психология; последняя из-за влияния махистской теории восприятия на Визера и его коллегу Отмара Шпана, а первая — в силу реформистского идеала фабианского социализма, столь типичного для поколения Хайека. Подобно многим другим экономистам — и тогда и потом, — Хайек выбрал этот предмет не ради него самого, но из желания улучшить мир, а в послевоенной Вене нищета ежедневно напоминала о необходимости этого. Подходящим решением казался социализм; но в 1922 г. Мизес, который не был штатным преподавателем университета, но при этом являлся центральной фигурой в сообществе экономистов-теоретиков, опубликовал свою работу «Die Gemeinwirtschaft», позднее переведенную как «Социализм». «Для нас, молодых людей, прочитавших эту книгу сразу после ее выхода в свет, — вспоминает Хайек, — мир изменился навсегда» (см. ниже, с. 163). Тратат «Социализм», углубивший идеи пионерной статьи, опубликованной двумя годами раньше, доказывал, что экономический расчет возможен только при существовании рынка средств производства; без такого рынка нет возможности установить ценность этих средств, а значит, нельзя определить подходящий способ их использования в производстве. Хайек усвоил представления о превосходстве рыночного порядка от Мизеса, который непродолжительное время был его начальником во временном правительственном учреждении, на заседаниях его частного семинара, постоянным участником которого стал Хайек.

³ *Hayek F. A. The Road to Serfdom. London: Routledge & Kegan Paul; Chicago: University of Chicago Press, 1944; reprinted, 1976. P. ix.*

В своей предыдущей работе по теории денег и банковского дела Мизес успешно применил австрийский принцип предельной полезности к анализу ценности денег и, используя английскую денежную школу и идеи шведского экономиста Кнута Викселя, в общих чертах разработал теорию колебаний промышленной активности. Используя эти результаты как отправную точку для собственных исследований промышленной активности, Хайек объяснил деловой цикл в терминах кредитной экспансии банков. Благодаря работе в этой области он получил приглашение читать лекции в Лондонской школе экономики и политических наук, а затем и приглашение занять должность профессора экономической теории и статистики им. Тука, принятое им в 1931 г. Здесь он попал в весьма вдохновляющую и увлеченную работой группу, к которой принадлежали Лайонел Роббинс (позднее лорд Роббинс), Арнольд Планта, Т. Е. Грегори, Денис Робертсон, Джон Хикс и молодой Абба Лернер. Хайек принес с собой незнакомые (для них) взгляды⁴, и постепенно австрийская теория делового цикла стала известна и была принята.

Но в следующие несколько лет удача отвернулась от австрийской школы. Во-первых, австрийская теория капитала, составная часть теории делового цикла, попала под атаку родившегося в Италии кембриджского экономиста Пьера Сраффы и американца Фрэнка Найта, а саму теорию цикла забыли в угаре энтузиазма, возникшего по поводу «Общей теории занятости, процента и денег» Джона Мейнарда Кейнса. Во-вторых, начиная с переезда в Лондон самого Хайека и до начала 1940-х годов австрийские экономисты один за другим покинули Вену, сначала по личным, а затем по политическим причинам, так что школа как таковая прекратила существование. В 1934 г. Мизес уехал из Вены сначала в Женеву, а затем в Нью-Йорк, где продолжал работать в изоляции; Хайек оставался в Лондонской школе экономики до 1950 г., а затем перебрался в Комитет по социальной мысли в Чикагском университете. Другие австрийские экономисты поколения

⁴ Хикс писал о первой (1931) англоязычной книге Хайека, что «„Цены и производство“ были написаны на английском, но это не была английская экономическая теория» (*Hicks J. The Hayek Story // Hicks J. Critical Essays in Monetary Theory. Oxford: Clarendon Press, 1967. P. 204*).

Хайека достигли признания в Соединенных Штатах — Готфрид Хаберлер в Гарварде, Фриц Махлуп и Оскар Моргенштерн в Принстоне, Пауль Розенштейн-Родан в Массачусетском технологическом институте, — но в их работах, казалось, не осталось и следов менгеровской традиции.

В Чикаго Хайек опять попал в ослепительную группу: экономический факультет, где тон задавали Найт, Джейкоб Вайнер, Милтон Фридмен, а позднее и Джордж Стиглер, был бы лучшим где угодно; Аарон Директор в школе права вскоре основал первую программу по экономической теории и праву; деятельное участие в преподавании принимали такие всемирно известные ученые, как Ханна Арендт и Бруно Беттельхейм. Но экономическая теория, в особенности *стиль рассуждений*, быстро изменялась: в 1949 г. появились «Основы экономического анализа» Пола Самуэльсона, утвердившие физику в качестве методологического образца для экономической теории; в 1953 г. эссе Фридмена о «позитивной экономической теории» установило новый стандарт для экономических методов. Ко всему прочему Хайек перестал работать в области экономической теории, сконцентрировавшись на психологии, философии и политической теории, и австрийская экономическая теория вошла в период продолжительного упадка. В этот период два молодых человека, работавших вместе с Мизесом в Нью-Йоркском университете, опубликовали важные работы в австрийской традиции: Мюррей Ротбард опубликовал в 1962 г. «Человек, экономика и государство» («Man, Economy and State»), а Израэл Кирцнер в 1973 г. — «Конкуренцию и предпринимательство» («Competition and Entrepreneurship»). Но большей частью австрийская традиция пребывала в забвении.

В 1974 г. случилось нечто поразительное: Хайек получил Нобелевскую премию по экономике. Благодаря престижу этой премии интерес к австрийской школе возродился; по случайному совпадению в том же году ряд изолированных ученых, продолжавших работать в традициях австрийской школы, собрались на достопамятную конференцию в Саут-Роялтоне, штат Вермонт⁵. Отсюда началось «австрийское возрождение» со

⁵ Материалы конференции были опубликованы: *The Foundations of Modern Austrian Economics*. Ed. Edwin Dolan. Kansas City: Sheed & Ward, 1976. Двумя годами позже появился следующий том: *New*

всевозрастающим потоком книг, журналов и даже университетских программ, специализирующихся на традиции Менгера. Остальные экономисты также начали постепенно обращать внимание на австрийскую экономическую школу. Современная австрийская школа начинает оказывать влияние в таких областях, как теория банковского дела, реклама и ее взаимосвязь со структурой рынка, новое истолкование дебатов об экономическом расчете при социализме⁶; более того, появившаяся примерно в последние 15 лет литература по экономической теории систем, работающих в условиях неполноты информации, и о теории стимулов может рассматриваться как результат работ Хайека о рассеянном знании и ценах как информационных сигналах — хотя об этом долге признательности часто забывают⁷.

Для интереса современных экономистов к Хайеку есть и другая причина. Сегодня анализ рынка как механизма, порождающего благосостояние, идет в форме дискуссии между двумя сторонами: защитниками свободных рынков являются экономисты «неоклассической» школы, исходящие из предположений о сверхрациональном поведении участников рынка,

Directions in Austrian Economics. Ed. Louis M. Spadaro. Kansas City: Sheed Andrews & Mcmeel, 1978.

⁶ Например: *White L. H.* Free Banking in Britain: Theory, Experience, and Debate, 1800—1845. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; *Selgin G. A.* The Theory of Free Banking: Money Supply Under Competitive Note Issue. Totowa, N. J.: Rowman & Littlefield, 1988; *Ekelund R. B., Jr., Saurman D. S.* Advertising and the Market Process. San Francisco: Pacific Institute for Public Policy Research, 1988; *Lavoie D.* Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁷ См., напр., отрывки из словаря «New Palgrave», опубликованные под названием «Allocation, Information and Markets». London: Macmillan, 1989. Примечательно, что в расширяющихся макроэкономических публикациях о «провалах координации», начало которым положили теоретики Питер Дайамонд и Мартин Вейцман отсутствуют ссылки на Хайека, хотя они в своих работах явно обсуждают проблему координации (см.: *O' Driscoll G.* Economics as a Coordination Problem: The Contributions of Friedrich A. Hayek. Kansas City: Sheed Andrews & Mcmeel, 1977. Обзор этой литературы см.: *Cooper R., John A.* Coordinating Coordination Failures in Keynesian Models // Quarterly Journal of Economics. Vol. 103. August 1989. P. 441—463.

вооруженных «рациональными ожиданиями», и о мгновенной расчистке рынков, и скептиками, относящимися к той или иной разновидности «кейнсианства», которые рассматривают ожидания как более проблематичные и считают, что ценовое приспособление происходит медленно. В полную противоположность этому Хайек основывает защиту рынков не на рациональности людей, а на их неведении! «Все аргументы в пользу свободы, или большая часть таких аргументов, покоятся на факте нашего неведения, а не на факте нашего знания»⁸. В понимании Хайека рыночные агенты *следуют установленным правилам*, отвечают на ценовые сигналы в рамках системы, возникшей в результате эволюции, — в рамках стихийно возникшего, а не сознательно выбранного порядка; при этом их действия приносят системе в целом непредусмотренные выгоды, которые *невозможно было* разумно предвидеть. С точки зрения современного экономиста, для которого эволюция и стихийность почти совсем не важны, это звучит странно⁹.

Подход Хайека отличается от принятого у неоклассических экономистов и в другом отношении: он шире, он интегрирует

⁸ Из замечаний Хайека на конференции, организованной Конгрессом за свободу культуры, опубликованных как *Science and Freedom*. London: Martin Secker & Warburg, 1955. P. 53.

⁹ Истолкование экономического поведения как «рутинного» или механического, развитое Ричардом Нельсоном и Сиднеем Уинтером в их «Эволюционной теории экономических изменений» (*Evolutionary Theory of Economic Change*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982 [рус. пер.: М.: Дело, 2002]), имеет некоторое отношение к идее Хайека о следовании правилам. Так же верно и то, что развиваемая современной теорией игр концепция равновесия частично отражает вышеупомянутую идею «координации планов» в смысле подыскания наборов взаимно согласующихся «стратегий», а также в том отношении, что теория повторяющихся игр позволяет многое понять в эволюции поведения, ориентированного на сотрудничество. Теория игр, однако, не объясняет, как осуществляется отбор правил сотрудничества; она показывает только, что стратегии, в основе которых устойчивое сотрудничество, могут быть наилучшими для всех способами поведения. См. об этом: *Axelrod R. The Evolution of Cooperation*. New York: Basic Books, 1984. Публикация на ту же тему с элементами австрийской традиции: *Benson B. L. The Enterprise of Law: Justice Without the State*. San Francisco: Pacific Institute for Public Policy Research, 1990.

экономическую теорию в широкую социальную философию, в нем намечены политические, правовые и моральные аспекты социального порядка. Неоклассики, напротив, чистые теоретики и не приобрели широкой поддержки. Леонард Реппинг, один из первых теоретиков «рациональных ожиданий», отмечает, что «многих молодых идеалистов привлекают концепции свободы и справедливости, а не эффективности и изобилия. Помимо своего вклада в экономическую теорию, Фридрих Менхен и Хайек создали мощную систему защиты капитализма как системы, способствующей либеральной демократии и личной свободе. Это привлекло к их идеям многих людей, далеких от экономической теории. У неоклассиков нет такой повестки дня»¹⁰. И в самом деле, последователи австрийской традиции нередко обладают широкими интересами, и междисциплинарный характер этой традиции делает ее привлекательной.

Ясно, что возрождение австрийской традиции обязано Хайеку не меньше, чем кому бы то ни было другому. Но являются ли его работы действительно «австрийской экономической теорией» — частью отдельной, узнаваемой традиции — или их следует рассматривать как оригинальный, глубоко личный вклад?¹¹ Некоторые наблюдатели обвиняют Хайека в том, что его поздние работы, особенно когда он начал отходить от чисто технических аспектов экономической теории, демонстрируют большее влияние его друга сэра Карла Поппера, чем Менгера или Мизеса; один критик даже говорит о «Хайеке I» и «Хайеке II», а другой пишет о «трансформации Хайека»¹².

¹⁰ Цит. по рецензии на книгу Hoover K. D. *The New Classical Macroeconomics: A Skeptical Inquiry*. New York and Oxford: Basil Blackwell, 1988 // *Journal of Economic Literature*. Vol. 28. March 1990. p. 71—73, esp. p. 73.

¹¹ Хайек и другие рассматривали работы Визера как его личный вклад. Противоположную точку зрения см.: Ekelund R. B., Jr. *Wieser's Social Economics: A Link to Modern Austrian Theory?* // *Austrian Economics Newsletter*. Vol. 6. Fall 1986. P. 1—2, 4, 9—11.

¹² О «Хайеке I» и «Хайеке II» см.: Hutchinson T. W. *Austrians on Philosophy and Method (since Menger)* // *The Politics and Philosophy of Economics: Marxians, Keynesians, and Austrians*. New York and London: New York University Press, 1984. P. 203—232, esp. p. 210—219; о «трансформации» см.: Caldwell B. J. *Hayek's Transformation* // *History of Political Economy*. Vol. 20. No. 4. 1988. P. 513—541.

Хотя до известной степени это вопрос о ярлыках, здесь есть и некоторые существенные моменты. Один таков: полезно ли вообще различать школы? Сам Хайек двойственен в этом вопросе. В первой главе настоящего тома, написанной в 1968 г. для «Международной энциклопедии социальных наук», он следующим образом характеризует собственное поколение австрийской школы: «По стилю мышления и по направленности интересов четвертое поколение все еще отчетливо проявляет свою принадлежность к венской традиции, но этих людей уже нельзя рассматривать как отдельную школу в смысле принадлежности к определенной доктрине. Величайшим успехом школы является ситуация, когда она перестает существовать, потому что ее основные идеалы становятся частью общего доминирующего учения. На долю венской школы выпал именно такой успех» (с. 68)¹³.

Но похоже, что к середине 80-х годов он изменил мнение, и в своих текстах вполне определенно утверждал существование австрийской школы, работал, главным образом, в оппозиции к кейнсианской макроэкономике, которая сохраняется поныне¹⁴. Современные члены австрийской школы также не едины в этом вопросе: некоторые отчетливо сознают свою принадлежность к традиции, которую воспринимают как символ

¹³ Существенно, что те неоклассические теоретики, которые видят смысл в австрийских работах, также склонны утверждать, что они говорят то же, что и все остальные, но другим языком (имея в виду, что австрийцы обычно избегают использовать математизированный язык). Сам Мизес в следующем примечательном высказывании однажды заявил почти то же самое: «Обычно мы говорим об австрийской и англо-американских школах (следующих Уильяму Стенли Джевонсу) и Лозаннской школе (следующей Леону Вальрасу)... [но фактически] эти три школы различаются только способом выражения одних и тех же фундаментальных идей и их разделяют в большей степени терминология и способ изложения, чем существование доктрин» (*Mises L. Epistemological Problems of Economics. New York and London: New York University Press, 1981. p. 214* (впервые опубликовано в 1933 г.) [рус. пер.: *Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической теории. Челябинск: Социум, 2009*]). Позднее Мизес отказался от такого понимания, так же как недавние исследователи «маржиналистской революции Менгера—Джевонса—Вальраса». См. в наст. изд. главы 1 и 2.

¹⁴ См.: глава 1, приложение.

чести, а другие избегают каких-либо классификаций, придерживаясь фразы, что «нет никакой австрийской экономической теории», есть только плохая и хорошая теория. Трудно сказать, в какой степени это вопрос глубоких убеждений, а в какой просто способ убедить остальных, что нужно относиться серьезно к австрийской традиции.

Характер отношений между Хайеком и Мизесом представляет особый интерес. Бесспорно, ни один экономист не оказал большего влияния на мышление Хайека, чем Мизес, — даже Визер, у которого Хайек обучался в университете, но который умер в 1927 г., когда Хайек был еще очень молод; и собственные слова Хайека делают это вполне ясным (глава 4). К тому же Мизес явно выделял Хайека как самого яркого в своем поколении: Маргит фон Мизес вспоминает о семинаре ее мужа в Нью-Йорке, что «Лу встречал каждого нового студента с надеждой, что из него получится второй Хайек»¹⁵. Однако, как напоминает Хайек, он с самого начала не был вполне последователем: «Хотя я получил [от Мизеса] решающий импульс в критический момент моего интеллектуального развития, а также пользовался постоянной поддержкой в течение десятилетия, возможно, я сумел так много получить от него как раз потому, что не был его студентом в университете, не был тем невинным юношей, который принимал бы его слова как откровение, но пришел к нему уже подготовленным экономистом, получившим подготовку в параллельной ветви австрийской экономической теории (в школе Визера), откуда я под его влиянием постепенно, но не до конца, ушел»¹⁶.

Есть две часто обсуждаемые области разногласий между Хайеком и Мизесом: дискуссия об экономическом расчете при социализме и «априорная» методология Мизеса. Вопрос о социализме заключается в следующем: действительно ли социалистическое хозяйство «невозможно», как заявил Мизес в 1920 г., или оно просто менее эффективно и

¹⁵ *Mises M.* My Years with Ludwig von Mises. 2nd enlarged edition. Cedar Falls, Iowa: Center for Futures Education, 1984. P.133.

¹⁶ Из лекции в колледже Хиллсдейл (Хиллсдейл, штат Мичиган), 8 ноября 1977 г., опубликованной под названием *A Coping with Ignorance // Imprimis. Vol. 7. No. 7. July 1978. P. 1—6* и переизданной в: *Champions of Freedom. Hillsdale, Mich.: Hillsdale College Press, 1979.*

трудно реализуемо. Хайек теперь утверждает, что «вопреки распространенному неверному представлению, главный тезис книги не в том, что социализм невозможен, а в том, что он не может обеспечить рациональное использование ресурсов» (с. 156 наст. изд.). Такое истолкование само по себе спорно. Хайек здесь выступает против стандартного взгляда на экономический расчет, как, например, у Шумпетера в книге «Капитализм, социализм и демократия» или у А. Бергсона в «Социалистической экономической теории»¹⁷. Согласно этому взгляду, исходное утверждение Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме было опровергнуто Оскаром Ланге, Аббой Лернером и Фредом Тейлором, а позднейшая модификация этого утверждения Хайеком и Роббинсом сводится к тому, что социалистическое хозяйство возможно в *теории*, но трудно реализуемо, потому что знание децентрализовано, а стимулы слабы. Ответ Хайека в процитированном выше тексте, что действительную позицию Мизеса поняли неверно, получил поддержку у ревизионистского историка дискуссии о возможности экономического расчета при социализме Дона Лавоя, который утверждает, что «центральные аргументы, усовершенствованные Хайеком и Роббинсом, представляют собой не отход от позиций Мизеса, но, скорее, ее прояснение, ориентированное на позднейшие версии централизованного планирования... Хотя комментарии Хайека и Роббинса о трудностях расчета [в позднейших версиях] вызвали неверное понимание их аргументов, в главном они остались вполне в рамках первоначальной логики Мизеса»¹⁸. Израэл Кирцнер сходным образом утверждает, что позиции Мизеса и Хайека следует рассматривать совместно, как раннюю попытку разработать в рамках австрийской традиции подход к рыночному процессу как к «предпринимательству и открытию»¹⁹.

¹⁷ *Schumpeter*. Op. cit. P. 172—186; *Bergson* in *Howard S. Ellis, ed. A Survey of Contemporary Economics*. Vol. 1. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1948.

¹⁸ *Lavoie*. Op. cit. P. 21.

¹⁹ *Kirzner I. M. The Socialist Calculation Debate: Lessons for Austrians // Review of Austrian Economics*. Vol. 2. 1988. P. 1—18. См. также недавнюю работу Джозефа Салерно, выступающего, напротив, за противоположное понимание — что первоначально сформулированная Мизесом проблема расчета отлична от проблемы процесса открытия, акцентированного Лавоем и Кирцнером.

Во-вторых, существует утверждение Мизеса, что экономической теории (в отличие от истории) присущ чисто дедуктивный характер, что она является исключительно априорной наукой, не требующей эмпирического подтверждения своим выводам. Ясно, что Хайеку было нелегко принять эту позицию, и временами он пытался доказать, что позиция Мизеса на деле более умеренна, а порой он просто дистанцировался от своего наставника. Во вторичной литературе можно встретить обсуждение вопроса, представляла собой или нет опубликованная в 1937 г. плодотворная статья Хайека «Экономическая теория и знание» решительный отход от Мизеса в пользу «фальсификационизма» Поппера, в соответствии с которым эмпирические свидетельства могут быть использованы для того, чтобы фальсифицировать теорию (но не для того, чтобы с помощью индукции верифицировать ее)²⁰. Эта статья утверждает, что в то время как экономический анализ *индивидуального* действия может быть строго априорным, изучение межличностного обмена требует эмпирических предположений о процессе обучения и о передаче знания. Сам Хайек сообщает, что начиная с 1937 г. «автор настоящей статьи... в то время в целом не понимая, что он просто развивает забытую часть традиции Менгера, что хотя чистая логика выбора, с помощью которой австрийская традиция интерпретирует индивидуальные действия, и в самом деле является чисто дедуктивной, но, как только объяснение переходит к межличностной активности на рынке, решающими оказываются процессы передачи информации между индивидами, т.е. чисто эмпирические явления (Мизес

Salerno J. T. Ludwig von Mises as Social Rationalist // Ibid. Vol. 4. 1990. P. 26—54.

²⁰ В пользу того, что 1937 г. был и на самом деле ключевым поворотным моментом, см. Хатчинсона (Op. cit. P. 215) и Колдуэлла (Op. cit. P. 528); обратную точку зрения см.: Gray J. Hayek on Liberty (2nd edition, Oxford: Basil Blackwell, 1986, P. 16—21) и Garrison R. W., Kirzner I. M. Hayek, Friedrich August von // The New Palgrave: A Dictionary of Economics (London: Macmillan, 1987). Vol. 2. P. 609—614, esp. p. 610). Сам Хайек в недавних интервью с У. У. Бартли III подтвердил первое истолкование, заявив, что статьей 1937 г. он хотел убедить в первую очередь самого Мизеса. Если это так, попытка Хайека оказалась поразительно вкрадчивой: Мизес приветствовал эти аргументы, не отдавая отчета, что они направлены против него.

так и не ответил на эту критику, но точно так же он не изменил свою вполне законченную и развитую систему)» (с. 72 наст. изд.) Также верно и то, что Хайек впервые познакомился с работами Поппера в начале 30-х годов, и что уже в 1941 г. демонстрировал отход от позиции Мизеса²¹. Влияние Поппера начинает сказываться, как только интересы Хайека сдвигаются от теории ценности к теории знания; есть предположения, что Хайекова критика централизованного планирования частично связана с попперовской идеей непредсказуемых последствий теории — попытка планирования оканчивается неудачей, потому что мы не можем заранее знать все последствия знания, которым мы уже располагаем²².

Следует также отметить, что позднейшее акцентирование Хайеком эволюции и стихийного порядка не разделялось Мизесом, но элементы продвижения в этом направлении встречались у Менгера. Ключом к этому различию может быть утверждение Хайека, что «Мизес был в гораздо большей степени наследником рационалистической традиции Просвещения и континентального либерализма, чем английского... в отличие от меня»²³. У Хайека часты ссылки на два типа либерализма: континентальный либерализм, или утилитаристская традиция, которая подчеркивает рациональность и способность человека изменять свое окружение, и английская традиция прецедентного права, которая акцентирует стихийные силы эволюции и ограниченность разума. Как писал Хайек в 1978 г., спустя пять лет после смерти Мизеса: «Я, в частности, не согласен с утверждением Мизеса, которое изложено в главе 33 (параграф 2). У меня всегда возникали проблемы с этим основным философским утверждением, но только сейчас я в состоянии сформулировать природу этих проблем. Мизес утверждает в этом отрывке, что либерализм „рассмат-

²¹ Брюс Колдуэлл описывает рецензию Хайека на *magnum opus* Мизеса, воспроизводимую в главе 4 наст. изд., как «зашифрованную», отмечая при этом вялость его похвал. «По сравнению с тем, что говорили о «Человеческой деятельности» другие, рецензия Хайека крайне хвалебна. Она выглядит вялой, когда мы вспоминаем об особых отношениях Хайека с Мизесом» (*Caldwell. Op. cit. P. 529*).

²² Об этом см.: *Bartley W.W., III. Unfathomed Knowledge, Unmeasured Wealth. LaSalle, Ill.: Open Court, 1990.*

²³ *Coping with Ignorance. Op. cit.*

ривает все виды общественного сотрудничества как эманацию разумно понимаемой пользы, когда всякая власть базируется на *общественном мнении*, а потому невозможны действия, способные помешать свободному принятию решений мыслящим человеком²⁴. Сегодня я полагаю, что неверна только первая часть этого утверждения. Крайний рационализм этого утверждения, которого Мизес как истинное дитя своего времени *не мог избежать* и с которым он, возможно, так и не расстался, теперь мне представляется совершенным заблуждением. Бесспорно, что рыночная экономика стала преобладающей формой не в силу разумного понимания ее выгод. Мне представляется, что основное в учении Мизеса — это демонстрация того, что мы приняли свободу *не* потому, что поняли, какие выгоды она могла бы принести; что мы *не* изобрели и, конечно же, *не* были достаточно умны, чтобы изобрести тот строй жизни, который начали слегка понимать только спустя долгое время после того, как увидели его действие. Человек *сделал выбор* в пользу него только в том смысле, что он научился отдавать предпочтение чему-то из уже существовавшего, а по мере того, как росло понимание, он смог и усовершенствовать условия своей деятельности» (с. 74).

Хайек опасается, что «крайний рационализм» континентального подхода ведет к тому, что он называет «ошибкой конструктивизма», — к представлению, что никакой социальный институт не может быть благотворен, если он не является результатом сознательного проекта. Ему представляется, что именно это составляет основу социалистического понимания: поскольку рынки никем не созданы, сознательно созданная искусственная система, навязанная, как водится, сверху, сможет функционировать лучше, чем естественная и децентрализованная²⁵.

В результате современная австрийская школа вполне могла расколоться на противостоящие лагеря: «твердых мизесовцев»,

²⁴ *Mises L. von. Socialism, 1981 edition. Op. cit. P. 418.*

²⁵ Интересно, что большая часть современной экономической теории благосостояния проникнута последовательным «конструктивизмом»; сначала они изобретают оптимальное «плановое» решение экономических проблем, а затем пытаются выяснить, смогут ли рынки оказаться столь же эффективными, как благонамеренный диктатор.

являющихся «социальными рационалистами» и «крайними априористами», и «хайкевцев», которые подчеркивают стихийность социального порядка и ограничения рациональности. (Существует также и третья группа — «радикальных субъективистов», которые следуют за Дж. Л. С. Шэклом и Людвигом Лахманном, отрицая возможность *какого бы то ни было* экономического порядка). Различия между этими группами сохраняются, а природа взаимоотношений между Мизесом и Хайеком так до конца и не понята. Остается добавить, что будущее покажет, какое влияние все это окажет на жизнеспособность школы.

1871 год, когда Менгер опубликовал свои «Основания» и на свет появилась австрийская школа, примечателен и другим: в том самом году Бисмарк создал Германский рейх. Хайека глубоко интересовала судьба Германии после Второй мировой войны; он был убежден, что перспективы возрождения либерализма в международном масштабе решающим образом зависят от восстановления интеллектуальной жизни в Германии. Эссе, расположенные в части II, посвящены как раз этим вопросам.

Хайек был убежден в необходимости международной научной организации либералов, и ради этого в 1947 г. он организовал конференцию, которая заложила основы общества Мон-Пелерен. Частично его озабоченность объясняется той ролью, которую играли экономисты во время войны. Впервые в истории большое число профессиональных экономистов вошло в состав правительственных органов планирования: регулировать цены, как это делало в США Управление по ценам, возглавлявшееся Леоном Хендерсоном, а потом — Джоном Кеннетом Гэлбрейтом; либо изучать военное снабжение (позднее это стало известно как «исследование операций»), чем занималась группа статистических исследований Колумбийского университета; либо оказывать всевозможные консультационные услуги. Все это было совершенно беспрецедентно и очень встревожило либералов. (Хайек хотя и получил британское гражданство, но как австриец по рождению не был допущен к соответствующим работам.)

Интеллектуальный климат этого периода легко представить по реакции экономистов на решение министра Людвига Эрхарда освободить цены и заработную плату в только что созданной Западной Германии. Гэлбрейт в 1948 г. уверял коллег,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru